

К. Като, В. А. Туголуков

СИБИРЬ НАЧАЛА XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ ЯПОНЦА

На рубеже XVIII и XIX вв. Дальний Восток и Якутию посетили несколько японцев. Они оставили после себя записки и воспоминания, которые, несмотря на известную фрагментарность, нередко содержат интересные сведения. В ряде случаев ценность этих материалов определяется тем, что японские путешественники фиксировали внимание на таких сторонах жизни Сибири, которые русским исследователям казались не заслуживающими внимания.

Первым из японцев, посетивших Сибирь, был Даикокуя Кодайю из провинции Исэ. В 1792 г. он вернулся на родину с русским посольством, возглавлявшимся Адамом Лаксманом. Следующей была группа японцев во главе с Цудайю. В Японию она возвратилась в 1804 г. с русским посольством. Третьим был хорошо известный исследователям Советского Дальнего Востока Мамина Риндзо (посетил Россию в 1809 г.), четвертым — Накагава Городзи (вернулся в Японию в 1813 г.) и пятым — Кюдзо, уроженец провинции Ава (вернулся также в 1813 г.). Из названных трое — Кодайю, Цудайю и Кюдзо — оказались в Сибири в результате кораблекрушений.

Кодайю, отличавшийся хорошей памятью и наблюдательностью, записал (с помощью Кацурагава Хосю) свои впечатления о Сибири. Его работа «Хокуса Бунряку» («Услышанное и увиденное в Северной стране») была издана в 1937 г. в Токио. Она представляет ценный источник о жизни России конца XVIII в.¹

Цудайю обработал свои материалы с помощью Оцуки Гэнтаку. Его рукопись «Канкай Ибун» («То, что услышано о заморских странах») была опубликована в 1944 г. в Токио²).

Мамина Риндзо — единственный из японцев, отправившийся на континент с целью научного ознакомления с жизнью аборигенов. Он оставил записки в двух частях. В первой части — «Тотацу Кико» («Путевые заметки о восточных татарах») ³ изложены путевые впечатления автора; во второй — «Китаэдзо Дзусецу» («Иллюстрированное описание Северного Эдзо») дано этнографическое описание айнов, гиляков, ороков Сахалина и Нижнего Приамурья. Работа Мамина Риндзо, изданная в начале XIX в. в Японии, была переведена на немецкий язык Ф. Зибольдом, но с купюрами и рядом погрешностей⁴.

¹ О путешествии Кодайю см.: *Ясуси Иноуэ*. Сны о России. М., 1977.

² Оригинал рукописи хранится в Гос. архиве Японии.

³ Татарами в XVIII—XIX вв. называли не только турков, но также монголов и народы тунгусо-маньчжурской группы.

⁴ Материалы Риндзо хранятся в Гос. архиве Японии и библиотеке университета Хоккайдо.

Записки Кюдзо о России отличаются лаконизмом. Они были впервые напечатаны в г. Кагосима в 1971 г. под названием «Росиякоку Хёрю Кикитакки» («Записки потерпевшего кораблекрушение о России») ⁵.

Из материалов Накагава Городзи сохранились лишь копии отдельных рукописей ⁶.

Накагава Городзи стал известен в Японии тем, что привез из России так называемую Оспенную книгу и первым у себя в стране начал делать прививки от оспы. Благодаря своему пребыванию в Сибири он на 10 лет опередил японскую государственную практику оспопрививания.

Накагава Городзи родился в провинции Муцу, в округе Симокита, в семье бедного рыбака. Он жил на о. Итуруп, когда в 1807 г. был задержан русскими моряками и доставлен в Охотский порт. Дважды Накагава Городзи пытался бежать, странствовал в низовьях р. Уд и на Шантарских островах, побывал в Удском остроге. Его поймали и отправили через Якутск в Иркутск, где находилась канцелярия генерал-губернатора Восточной Сибири. Оттуда он вернулся в Японию.

Рукопись Накагава Городзи состоит из трех частей. Первая часть «Городзи Мосиаге Арамаси» («Объяснительный доклад Городзи») представляет собой официальный доклад правительству. В ней много преувеличений, вызванных личными переживаниями и стремлением себя оправдать. Во второй части «Икио Зацува» («Разные рассказы о чужбине») описывается жизнь в Сибири и все то, что автор видел и слышал там. В третьей — «Гайкоку Кибун» («Слышанное о других странах») — дано описание русских старожилов, тунгусов и якутов ⁷.

Ниже приводятся фрагменты из второй части рукописи Накагава Городзи, в которых рассказывается о его путешествии по Якутии.

Разные рассказы о чужбине *

В направлении от Охотска к Якутску на расстоянии по-русски 1400 верст, а по-японски около 281 *ри* находится река Алдан ^[1]. На протяжении 200 с лишним *ри* не встречается вьючных лошадей. Летом ездят только на лошадях, а зимой, когда лошадь не может передвинуться по глубокому снегу, тунгусы распределяют 50 или 100 оленей (их называют также сохатыми) ^[2] в разных местах.

Тунгусы находятся на службе у правительства ^[3]. Их олень отличается от японского большими размерами ^[4]. На него можно посадить взрослого человека. Вероятно, такой же олень и на Сахалине, там его называют тонакаи ^[5]. Зимой олень раскапывает снег и ест мох... Летом ест траву. Олени очень любят человеческую мочу. Если по дороге какой-нибудь человек помочится, то олени и вьючные и с наездниками бегут к этому месту, расталкивают друг друга и лижут ^[6].

...Тунгусы садятся на лопатки оленя, где устанавливают маленькое седло. Оно укрепляется лишь одним ремнем, который проходит по животу и поэтому держится плохо. Тот, кто садится на оленя впервые, все время падает. Чтобы крепче держаться, в левую руку берут поводья а в правую — палку-погонялку ^[7]. В середине 1813 г. я ехал из Якутска в Охотск ^[8] первый раз верхом на олене и ...беспрерывно падал. Тог-

⁵ Оригинал рукописи Кюдзо находится в частной коллекции в провинции Хиросима.

⁶ Оригиналы рукописей не обнаружены. Копии хранятся в Гос. архиве и библиотеках городов Японии.

⁷ Копия третьей части рукописи хранится в библиотеке г. Хакодате.

* Перевод Кюдзо Като; комментарий Кюдзо Като и В. А. Туголукова. Копия рукописи хранится в Университете Хоккайдо.

^[1] Неточно. *Ри* равна примерно четырем верстам.

^[2] Это ошибка. Сохатыми называют в Сибири лосей.

^[3] Тунгусы не состояли на службе у правительства, но были обязаны «исправлять подводную повинность», т. е. предоставлять транспорт для казенных надобностей.

^[4] В Японии водятся пятнистые олени, а северных оленей нет.

^[5] Вероятно, айнский термин.

^[6] Оленей привлекает соль, содержащаяся в моче.

^[7] «Поводья» правильнее называть недоуздом, а «палку» — посохом.

^[8] Автор вернулся в Японию через Якутск и Охотск

да я прикрепил к бокам оленя две кожаные подушки. Так получилось надежнее. У оленя прав кроткий: сколько бы человек ни падал, олень не брыкается, как лошадь.

По дороге у меня заболели от снега глаза ^[9], я не мог их открыть и поэтому завязал платком. Мне пришлось идти, держась за человека, но когда мы поднимались или спускались с сопки или нам попадались по пути сваленные деревья, я падал. Поздно вечером (в 9 часов) мы доехали до кожаной юрты тунгуса. Я слышал, что здесь тунгуска-старуха лечит от снежной болезни, поэтому я к ней зашел. Она порылась в шерсти оленя и вытащила червя ^[10]. Этот червь живет под волосом оленя и питается его мясом, а переваренную пищу выпускает наружу. Этих червей очень много. Задняя часть червя оканчивается острым кончиком, которым старуха провела по моим векам так, что выступила кровь, а затем помазала их мылом. Боль была нестерпимая, но зато на следующее утро я проснулся здоровым. После этого случая я боялся вновь заболеть снежной болезнью, поэтому купил сетку, которую тунгусы изготавливают из конского волоса, и прикрыл ею глаза.

По дороге из Охотска в Якутск на расстоянии 80—90 *ри* от реки Алдан есть станция (или, как еще ее называют, остановка), где иногда меняют лошадей. В этих местах живут коренные жители — якуты. Здесь в середине апреля люди ходят по льду, как по равнине.

Якутск стоит на берегу большой реки Лены. В поселке, который называется Жиганской ^[11], живет и коренное население, и русские. Говорят, что там они обмениваются друг с другом припасами и изделиями; подробно я об этом не знаю.

Якутск называется так потому, что там живут якуты. Их зимние жилища — четырехстенные и обмазаны коровьим пометом, поэтому там сильно пахнет. В окна вставляют четырехугольные куски льда, а щели заделывают снегом и заливают водой, которая сразу же застывает. Когда ложатся спать, то изнутри закрывают окна крышкой, чтобы не таяло. Якутская печь отличается от русской, она называется труба ^[12]. Ее топят днем и ночью. В центре помещения ставят трубу, а с трех сторон из длинных досок делают нары, на которых можно и сидеть, и лежать... Пол в таком доме земляной. Русская печь выглядит хмурой, на нее неприятно смотреть, а у якутов печь приветливая и мне очень нравится.

Якуты занимаются разведением лошадей. Кроме того, они охотятся на ушкана ^[13], белку, соболя, а потом их обменивают ^[14]. Одежду они делают из лошадиных и оленьих шкур. Не удивляйтесь, что они для этого употребляют шкуры: без них зимой никак не обойтись. Даже тот, кто надевает одежду из шкур, случается, отморозит себе уши, нос, руки или ноги.

Каждое утро коровьим пометом, оставшимся с вечера, лопаточкой обмазывают стены. Когда помет замерзает, он становится твердым как камень... Летом обдирают сосновую кору, отделяют от нее мягкую часть ^[15], разделявают как морскую капусту и сушат около печи. Потом ее растирают в ...ступе и делают из нее муку. Эту муку смешивают с пшеничной мукой, добавляют молока и все вместе варят. Получается что-то вроде крахмала. Это и едят ложкой. Если есть одну сушеную кору, то такое ощущение, как будто ешь морскую капусту.

Якуты охотно едят конину и пьют кобылье молоко. Русские не употребляют в пищу ни конину, ни мясо медведя и песца, а едят только мясо ...коровы. Богатые якуты имеют до 400—500 коров и лошадей. Если их держать в одном месте, то возникают затруднения с кормом. Поэтому их держат в нескольких местах. Говорят, что у богатого якута в каждом таком месте бывает по 5—7 жен ^[16].

^[9] Имеется в виду болезнь глаз, возникающая весной от яркого блеска снега, в результате которой может наступить временная слепота.

^[10] Это личинка подкожного овода.

^[11] Бывший Жиганский острог, ныне пос. Жиганск на Лене, к северу от Якутска.

^[12] Такая печь называется камельком. В рукописи приведен рисунок.

^[13] Ушканом в Сибири называют зайца.

^[14] Речь идет о меновой торговле.

^[15] Имеется в виду сосновая заболонь.

^[16] Явное преувеличение.

Чтобы жениться, надо отдать от 5—6 до 14—15 и даже 50—60 коров и лошадей, в зависимости от состояния жениха. У тунгусов нет ни коров, ни лошадей, поэтому говорят, что они отдают за жену 50—100 оленей. Иногда деньги...^[17]

У здешнего коренного населения есть шаманы. Они лечат от болезней и гадают о хорошем и плохом, счастливом и несчастливом. Для этого они пользуются большим бубном, обтянутым лишь с одной стороны. Шаман бьет в него, что-то кричит и как сумасшедший бегаёт по дому. Потом он теряет сознание и падает. Но сзади стоит человек, который его останавливает^[18], и в этот момент шаман начинает говорить. Стоящие рядом слушают его и узнают, что им надо. Русские, которые смотрят на эту сцену, говорят: «Эккэ брута»^[19], и смеются. Я так же отношусь к этому...

Летом якуты и тунгусы изготавливают циновки из бересты, сшитой нитками, из жердей ставят юрту и покрывают ее этими циновками...

Олени бывают разного цвета: белые, пестрые, серые. У многих из них белые животы. Тунгусы, когда садятся на оленя, то закидывают ногу на бедро^[20], а затем прыгают в седло. Сначала я становился [ногой] на колено тунгуса, а потом садился в седло. Если же братья за седло, как это делают, когда садятся на лошадь, то седло опрокинется. Тунгусы садятся [на оленя] с правой стороны, а русские на лошадь — с левой. Поэтому русские, смеясь, говорят, что тот, кто садится справа, тот тунгус. Олени за один день доходят до станции. Там их всех распускают. Тогда они опускают головы к снегу, нюхают его и сами находят мох для пропитания. О корме для них не надо заботиться.

Здесь в ходу медные, серебряные, золотые деньги, ассигнации (или бумажные деньги). Полкопейки называются денежка, 3 копейки — алтын, 5 копеек — пятак, 10 копеек — гривна. По окружности на монете написано «Сибирская монета», указан ее вес и изображен двуглавый орел... Серебряные монеты бывают большие и маленькие; копейка серебра, весящая 6 золотников^[21], меняется на 100 медных копеек.

Золотые монеты похожи на японский «кобан» и называются «империал». Они бывают большими и маленькими. Я видел монеты весом 3 *момме* 6 *бу* и немного больше. Эти золотые деньги, как я уже говорил, меняют: 6 золотников на 10 копеек серебром. Если на медные, то дают 100 копеек. Но такая цена вообще-то была 20—30 лет тому назад. Тогда трудно было достать такие серебряные деньги даже за 350 копеек. Золотые 100 рублей было нелегко приобрести за 250 рублей [ассигнациями]. Но так и должно быть, потому что там все люди, у которых есть золотые и серебряные деньги, имеют изделия из золота и серебра... — кресты, карманные часы, ложки, табакерки и т. п., даже пуговицы. Якуты изготавливают серебряные пластинки и укрепляют их на поясе. Для якутских женщин делаются украшения в косы. У русских серьги маленькие, а у якутов большие, весом каждая 15 *момме*. В ушах прокалывают по три дырочки... Все эти украшения делаются из золотых и серебряных монет. Там запрещено делать что-нибудь из денег, но, говорят, это не прекращается.

Бумажные деньги есть размером $\frac{1}{4}$ ханси^[22] и разного цвета: белые, красные, синие. Я видел деньги достоинством в 5, 100, 250, 500 и 1000 руб. Не знаю, есть ли, кроме того, другие бумажные деньги или нет. Если смотреть [эти] деньги на свет, то видны буквы. На них написана сумма, год выпуска и номер. Торговцы, когда имеют дело с такими деньгами, записывают их номера в тетрадь, чтобы в случае, если их украдут, заявить в официальные органы власти, которые всех извещают и ищут украденные деньги. Поэтому вора трудно украсть бумажные деньги.

Говорят, что бумагу изготавливают из поношенного белья, которое разрезают на части и молотят. Белье там делают из льна. Это тот же материал, из которого в Японии шьют паруса...

Самый крепкий [лен] идет на паруса, а средний — для временного жилища. Лен очень устойчив против воды. Из самого лучшего льна шьют белье, штаны, подкладку.

^[17] Речь идет о внесении выкупа за жену. Брак с уплатой калыма был распространен у якутов и тунгусов.

^[18] Точнее — приводит в чувство.

^[19] «Эх, врут».

^[20] При посадке на оленя ногу закидывают не на бедро, а на спину животного.

^[21] Шесть золотников весят 6 *момме* 7 *бу* 8 *ринь*. *Момме*, *бу* и *ринь* — японские меры веса: *момме* — 3,7 г; *бу* — 0,8 *момме*; *ринь* — 0,1 *бу*.

^[22] Ханси — японская бумага форматом приблизительно 20×30 см.

У богатого лен лучшего качества, не отличается от шелка. Лен иногда называют холстом или холщевой тканью.

Бумагу [из льна] натирают соленым песком. Я не знаю этого способа, но, наверное, этот песок—прокаленный японский мёбан^[23]. Если этого не делать, то чернила расплываются, а перо прокалывает бумагу. Она получается не такая, как у нас. Чернила там изготовляют из размолоченного бинро^[24], которое вместе с квасцами бросают в кипяток, после чего чернила можно употреблять. Перо делают из гусиного крыла, как показано на рисунке [имеется рисунок]. Острым концом перо опускают в чернила. Если нижнюю часть не расщепить, то трудно писать...

Когда выпадает снег, используют нарту, называемую кибиткой. Это сани с ящиком из коровьей кожи. Внутри сидят или лежат путешественники. Едут и днем и ночью, на станциях только меняют лошадей. В одни сани впрягают две-три лошади, но если дорога плохая, то и восемь-девять. Станций от Охотска до Якутска нет^[25], поэтому, когда выпадает снег, едут на оленях... От Якутска до Иркутска 2600 верст, а по-нашему 620—630 *ри*. Здесь по дороге всего 82 станции.

Там протекает река Лена, по которой летом ходят суда. Зимой добираться в кибитке 14—15 суток. Когда я ехал до Иркутска в начале декабря, мне потребовалось 18 суток, а на обратный путь в середине марта ушло 24—25 суток. Это оттого, что со мной было много вещей. По льду можно было идти, как по равнине. Льда под снегом не видно. Есть еще сухопутная дорога, но по ней очень трудно ездить, и она не используется. От станции до станции едут только летом. У каждой версты есть столб с указанием расстояния. У станции — 2-3 дома или 14-15, бывает и 20-30 домов. А в Киренском и Олекме — 70-80 и 200 домов. На каждой станции — от 14-15 до 20 лошадей.

Путешественники получают от губернатора марку^[26], которую предъявляют на каждой станции. Если человек едет по казенным делам, то за одну лошадь берут за версту полкопейки медных денег, а с частного лица — 1 или 1,5 копейки. Эти деньги идут на содержание лошадей, и я слышал, что денег станциям государство отпускает мало. Поэтому по этой дороге, которая по русским измерениям имеет 700—800 верст, а по японским — 200 *ри*, очень мало дают лошадям корма и плохо обслуживают. Кроме того, официальные органы выделяют для каждой станции тетрадь, куда все путешественники записывают свои данные. Говорят, что тетради проверяются каждый год...

Река Лена течет на север и впадает в Северный Ледовитый океан. Кета и горбуша в ней не водятся, зато много рыбы, которой нет в Японии, например тайменей, муксунов, осетров. Осетры попадаются весом до 3 *кан*^[27]. А в окрестностях города Якутска, в прудах и озерах, много карасей и других неизвестных мне рыб.

...Ближе к Иркутску дорога выравнивается. Здесь живут буряты, которые разводят коров и лошадей. Казак, доvezший меня сюда, купил на станции за 5 рублей медными деньгами мускус. Я слышал, что мускус — это пупок, но оказалось, что это нечто на голове [кабарги], напоминающее круглый желтовато-серый пирожок (манчжу), внутри которого кожа^[28]. Говорят, что если привезти его в Иркутск, то там за него дадут 10 рублей.

На полпути от Якутска к Иркутску (но ближе к Иркутску) сеют немного пшеницы, и, кроме того, выращивают редис, капусту, картофель и какой-то сорт льна. Зимой в этих местах охотятся на белку, соболя и ушкана. Вдоль северной части дороги от Якутска пшеницу не сеют; здесь разводят коров и лошадей, а также охотятся. На станциях, расположенных в северной части дороги, большинство [населения] составляют якуты, а на станциях южной части — много русских. Моря здесь нет и, должно быть, трудно доставать соль. Однако под горой или на берегу реки или озера в некоторых местах на поверхность выходит соленая вода. Из нее вываривают соль. Такая соль не отличается от нашей и к тому же очень дешева. Кроме того, из земли иногда добывают каменную соль, прозрачную как стекло. Из нее готовят посуду; она так красива, что служит украшением.

[23] Япон. мёбан — квасцы.

[24] Бинро — кора кокосового ореха.

[25] Ранее Городзи писал о станции (остановке) между Охотском и Якутском.

[26] Имеется в виду своего рода разрешение на проезд.

[27] Около 10 кг.

[28] Речь идет, очевидно, о мешковидной железе кабарги, из которой добывают мускус. Она находится не на голове, а на брюхе животного.

...Собачью упряжку, которую зимой употребляют от Камчатки до Охотска, тунгусы заимствовали от камчадалов^[29]. Западнее Якутска упряжку не употребляют... [Далее в рукописи приведен рисунок: пять собак тянут нарту, похожую на лодку. На нарте сидит человек с кнутом.] Нарта здесь называется санками. Ее используют для 1—2 человек, когда отъезжают на небольшое расстояние. Если надо тянуть вещи, используют нарты, куда запрягают пять собак. Нарты — низкие и длинные. Когда едут за водой или за дровами, то обязательно на нартах, в которые запрягают от 7—8 до 12 собак. С середины апреля и до середины сентября собак привязывают, так как для них нет работы. Каждой собаке в день дают одну кету или две горбуши. Следовательно, там, где много рыбы, у Охотска и ближе к Камчатке, можно использовать собак. А где рыбы мало, там иметь собак трудно.

В районе Охотска кета и горбуша поднимаются вверх по реке на нерест, а потом всплывают, отметав икру^[30]. Кроме кеты и горбуши туда заплывают мари^[31]. Здешние жители ловят разную рыбу неводом из травы^[32], а мари — неводом из конского волоса...

Что касается птиц, то сюда с юга в начале апреля прилетают гуси и утки. Если на земле еще лежит снег, а на море лед, они все равно остаются. Утки собираются там, где нет льда, в такие стаи, что от них становится черно. В это время некоторые русские ходят на них с ружьем. В середине мая утки летают повсюду и кладут яйца. Жители собирают и едят эти яйца. В конце августа, когда птенцы научатся летать, все птицы улетают на юг. В России зимой не остается ни одной птицы^[33]. Лебеди, чайки... орлы, журавли — все зимой тоже улетают на юг...

Ласточки появляются в середине мая, выют гнезда под крышами и воспитывают там птенцов. В середине июля они уже летают. У них белое брюшко. Иногда под крышей одного дома гнездятся 20—30 ласточек. В России тоже их никто не может поймать. Ворон остается здесь круглый год. В отличие от японского он больше размером и не привязывается к людям, да и каркает по-другому. Такого ворона можно видеть на острове Итуруп. Воробьев в Охотске и Якутске нет, зато их много в Иркутске. Они похожи на японских, но клюв у них не черный, а сероватый. Вероятно, эта птица не водится там, где не занимаются земледелием. Поэтому-то в Охотске и Якутске, где не высевают злаковых, их не видно. Зато в окрестностях Иркутска их очень много.

Зимой остаются и глухари, и куропатки. Глухари летают и в самые лютые морозы по 10—20 вместе и садятся на одно дерево. Если сначала стрелять в нижнего [глухаря], то верхний ничего не услышит, так что в конце концов можно всех перестрелять. Поэтому их [глухарей] называют дураками. Куропатка [величиной] с голубя. Лапки ее тоже покрыты пухом, и на снегу она оставляет следы, похожие на звериные. Куропатки любят почки ивы, и поэтому их много возле ив. На них охотятся с ружьем или [ловят] сетью из конского волоса. В снег вставляют ивовые прутья на расстоянии 5 сун^[34] и набрасывают на них сети.

Для лисиц и волков ставят ловушки, а соболя убивают стрелой из лука. Но не сами люди стреляют из луков, а ставят 10—100 самострелов, к каждому из которых привязана веревочка из конского волоса. Когда звери задевают ее, самострел стреляет. Это [оружие] похоже на айнский амаихо^[35].

Из домашней птицы здесь есть куры, голуби, утки и индейки.

...И русские, и тунгусы, и якуты, имеющие маленьких детей, пользуются люлькой. У русской люльки — четыре стороны, сделанные из четырех круглых жердей. Ее дно, чтобы провисало, делают из льна. В люльку кладут пуховую перину, и когда дети мочатся, ее приходится менять. Якуты и тунгусы делают деревянную люльку, а вниз подкладывают кусок побелевшего гнилого дерева, и когда дети мочатся, то гнилушки впитывают мочу, после чего их заменяют. Люльку подвешивают и качают.

^[29] Ительменов в прошлом называли камчадалами.

^[30] Кета и горбуша, отметав икру, погибают.

^[31] Трудно сказать, о какой рыбе идет речь. Может быть, о кунже, которую тунгусы называют нера.

^[32] Вероятно, из крапивы.

^[33] Неточно. Ниже Городзи говорит другое.

^[34] 15 см.

^[35] Вероятно, айнский термин.

Многие сведения, приведенные Накагава Городзи, в общем известны. Он описывает конно-оленный способ сообщения между Якутском, Охотском и Иркутском, существовавший в то время, верховую езду на оленях, езду на собаках, камлание шамана и т. п.

Однако некоторые сообщаемые Городзи подробности дают новые или уточняют старые представления, касающиеся культуры и быта тунгусов, якутов, местных русских. Городзи, например, пишет, что часть пути он проделал верхом на олене. Это указывает на то, что в начале XIX в. у тунгусов Восточной Якутии еще не практиковалась езда на нартах; она проникла к ним позднее, вероятно, под влиянием санной езды якутов.

Очень интересно сообщение Городзи о том, как старуха-тунгуска избавила его от «снежной болезни» глаз. Этот сюжет, относящийся к области народной медицины, мы не встречали у других авторов, писавших о тунгусах. Видимо, тунгусы изобрели способ преодолевать это специфически северное заболевание глаз, возникающее от ослепительного блеска снега весной. Применение мыла как дезинфицирующего (?) средства при лечении снежной болезни говорит о проникновении к охотским тунгусам неизвестных им до прихода русских предметов более высокой культуры.

Существенное значение имеет замечание Городзи о заимствовании охотскими тунгусами собачьей упряжки от аборигенов Камчатки. Оно лишний раз свидетельствует о неправоте А. М. Золотарева, утверждавшего, что культура так называемых пеших тунгусов Охотского побережья представляла собой реликт якобы пройденной ими дооленевоодческой стадии развития.

EARLY 19th CENTURY SIBERIA AS SEEN BY A JAPANESE

Fragments of a manuscript by Nakagawa Gorozi, a Japanese who visited Siberia early in the 19th century, are published in the article. Gorozi supplies much interesting information on the Tungus, the Yakuts and old-resident Russians in Siberia. His data may help to form some new concepts (or to make existing ones more precise) on the culture and everyday life of these peoples.
